

УДК 330.322:332.1:330.4 DOI: 10.14451/1.255.310

Системная модель инвестиционной привлекательности предприятий

© 2026 **Мурадов Игорь Владимирович**

Старший преподаватель, специалист, магистр. Национальный исследовательский технологический университет МИСИС.

E-mail: miv-29@mail.ru

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, промышленные предприятия, системный подход, кросс-уровневый анализ, макро-мезо-микрофакторы, региональные детерминанты, методика оценки.

Актуальность исследования обусловлена системной несостоятельностью традиционных моделей оценки инвестиционной привлекательности предприятий (ИПП) в условиях российской экономики, характеризующейся повышенной институциональной волатильностью, территориальной поляризацией и частыми экзогенными шоками, что приводит к декорреляции финансовых метрик с фактической способностью привлекать капитал (коэффициент корреляции рентабельности продаж и объёма венчурного финансирования составляет лишь 0,31). Несмотря на развитие подходов Дамодарана, Портера и Даннинга, проблема остаётся недостаточно разработанной в части интеграции институционального контекста и динамических характеристик предприятий в единую оценочную конструкцию. Объектом исследования выступает инвестиционная привлекательность промышленных предприятий Российской Федерации, предметом – структурно-функциональные взаимосвязи между финансовыми, операционными, стратегическими и институциональными компонентами ИПП с учётом их нелинейной динамики в условиях институциональной неопределённости. Теоретико-методологическая значимость работы заключается в разработке системной четырёхблочной модели ИПП, преодолевающей редуционистский подход через декомпозицию привлекательности на иерархически организованные компоненты с механизмами обратной связи, а также в эмпирической верификации модели на панельных данных 217 предприятий за 2019–2024 годы с применением регрессионного анализа с фиксированными эффектами и сценарного моделирования стресс-ситуаций. Практическая ценность исследования проявляется в количественной оценке контекстуальной зависимости структуры ИПП (вариация доминирующего блока от 10–15% до 40–45% в зависимости от отрасли) и выявлении адаптивного потенциала как критического индикатора устойчивости: предприятия верхнего квартиля восстановили привлекательность до 103% досанкционного уровня к 2024 году, тогда как компании нижнего квартиля достигли лишь 49%, что создаёт основу для разработки модульных оценочных инструментов, адаптированных к специфике российской промышленной среды.

Современная трансформация глобальной экономики, усугублённая геополитической фрагментацией и ускорением технологических циклов, требует радикальной переоценки теоретико-методологических основ оценки инвестиционной привлекательности промышленных предприятий, поскольку традиционные подходы, сформированные в условиях относительно стабильной макроэкономической среды развитых стран, систематически недооценивают риски, порождаемые институциональной волатильностью, территориальной асимметрией и структурной зависимостью от внешних технологических цепочек.

Особенно остро данная проблема проявляется в российском контексте, где сочетание экстремальной макроэкономической волатильности (среднегодовая инфляция 12,3% за период 2014–2023 гг. против 2,1% в Германии), глубокой региональной поляризации инфраструктурных условий и критической уязвимости 40% промышленных секторов к санкционным ограничениям формирует уникальную конфигурацию факторов, определяющих долгосрочную устойчивость промышленных активов, что делает необходимым разработку комплексной методологии оценки, способной интегрировать многоуровневые детерминанты инвестиционной привлекательности в единую систему с учётом их нелинейных взаимосвязей и динамической трансформации под воздействием экзогенных шоков.

Эволюция методик оценки инвестиционной привлекательности предприятий отражает переход от редуционистских моделей к синтетическим архитектурам. До 2020 г. доминировали четыре подхода: финансовый (дисконтирование денежных потоков с игнорированием стратегической гибкости), рейтинговый (стандартизация критериев при статичности оценки), факторный (декомпозиция с региональной калибровкой, но сложной верификацией связей) и системный (иерархический анализ критериев с высокой трудоёмкостью калибровки) [15]. Системные ограничения традиционных моделей проявлялись в предположении стационарности среды при растущей волатильности, игнорирова-

нии геополитических и технологических рисков, а также несоответствии российской специфике (моногорода, «замкнутая экономика» депрессивных регионов) [13].

Трансформационный импульс 2020–2024 гг. (санкционные шоки, фрагментация цепочек поставок, «зелёный» переход) инициировал формирование гибридной адаптивной модели, сочетающей модифицированный DCF с мульти-сценарным анализом, динамический модуль с петлями обратной связи и контекстуальный модуль с региональными коэффициентами адаптации [4]. Ключевой сдвиг – переход от однократной оценки к непрерывному мониторингу с индексом адаптивного потенциала как метрикой способности к трансформации бизнес-модели в условиях неопределённости.

Инвестиционная привлекательность предприятий представляет собой многомерную конструкцию из четырёх взаимодействующих блоков – финансового, операционного, стратегического и институционального – чьё совокупное влияние проявляется как результат нелинейных взаимодействий, генерирующих эмерджентные свойства системы [3]. Финансовый блок включает рентабельность, устойчивость, ликвидность и эффективность капитала, однако демонстрирует системную декорреляцию с привлечением капитала: коэффициент корреляции между рентабельностью продаж и объёмом венчурного финансирования составил лишь 0,31 ($p < 0,05$) в выборке 127 предприятий за 2019–2023 гг. [7]. Операционный блок определяется технологическим уровнем, управлением цепочками поставок, производительностью труда и гибкостью мощностей; коэффициент фондовооружённости модернизированных предприятий превышает аналогичный показатель предприятий с устаревшим парком в 3,7 раза [16], а время восстановления после сбоя менее 45 дней повышает привлечение венчурного капитала в 2,4 раза при сопоставимой рентабельности [14]. Стратегический блок концентрирует рыночную позицию, барьеры входа, диверсификацию и гибкость; предприятия с концентрацией выручки более

50% на рынках ОЭСР снизили привлекательность на 37% после февраля 2022 г., тогда как компании с диверсифицированной географией продаж (индекс Херфиндала <0,4) сохранили 82% исходного уровня [5]. Технологический суверенитет (локализация критических технологий >70%) повышает привлечение венчурных инвестиций в 3,1 раза по сравнению с предприятиями аналогичной рентабельности, но зависимыми от импорта >40% [1]. Институциональный блок, формируемый формальными и неформальными правилами, является экзогенным ограничителем привлекательности; волатильность российского налогового законодательства (17,3 существенных изменения в год против 4,1 в Германии) и территориальная асимметрия качества институтов (разрыв 40–60% между регионами) определяют его критическую роль [20]. В 2022–2023 гг.

предприятия в регионах с высоким качеством управления (верхний квартиль рейтинга РАН-ХиГС) сохранили 76% привлекательности, тогда как компании в регионах с низким качеством потеряли 58% при сопоставимых финансовых результатах [6].

Взаимосвязи между блоками структуры инвестиционной привлекательности носят нелинейный характер и проявляются через три ключевых механизма: эффект усиления (синергия), эффект подавления (доминирование ограничителя) и эффект трансформации (изменение роли блока в зависимости от контекста) [19]. Для систематизации характеристик четырёх блоков, их ключевых индикаторов и методологических ограничений традиционных подходов представлена таблица 1.

Таблица 1. Структура блоков инвестиционной привлекательности предприятий.

Ключевые компоненты	Основные индикаторы	Методы количественной оценки	Ограничения традиционных подходов
Финансовый блок			
<ul style="list-style-type: none"> – Рентабельность (ROE, ROA, ROS) – Финансовая устойчивость (коэффициент автономии, долг/ЕБИТДА) – Ликвидность (текущая, быстрая) – Эффективность капитала (оборачиваемость активов) 	<ul style="list-style-type: none"> – Рентабельность продаж: 15–25% (высокая) – Долг/ЕБИТДА: <3х (умеренный риск) – Коэффициент текущей ликвидности: 1,5–2,5 	<ul style="list-style-type: none"> – Дисконтирование денежных потоков (DCF) – Мультипликаторный анализ (EV/ЕБИТДА) – Сценарное моделирование финансовых результатов 	<ul style="list-style-type: none"> – Декорреляция с привлечением капитала ($r = 0,31$ в РФ, 2019–2023) – Игнорирование качества прибыли (налоговая оптимизация vs операционная эффективность) – Статичность оценки (лаг актуализации 6–12 мес.)
Операционный блок			
<ul style="list-style-type: none"> – Технологический уровень (автоматизация, ППИ) – Управление цепочками поставок – Производительность труда – Гибкость мощностей 	<ul style="list-style-type: none"> – Доля оборудования <10 лет: >60% – Время восстановления после сбоя: <45 дней (высокая устойчивость) – Выручка на сотрудника: отраслевой квантиль $\geq 75\%$ 	<ul style="list-style-type: none"> – Анализ цепочки создания стоимости (value chain) – Бенчмаркинг операционных показателей – Стресс-тестирование логистических схема 	<ul style="list-style-type: none"> – Фокус на эффективности без учёта устойчивости к шокам – Игнорирование зависимости от импортных компонентов – Отсутствие оценки «технологического суверенитета»
Стратегический блок			

Продолжение на следующей странице

Таблица 1. Структура блоков инвестиционной привлекательности предприятий. (Продолжение таблицы)

Ключевые компоненты	Основные индикаторы	Методы количественной оценки	Ограничения традиционных подходов
<ul style="list-style-type: none"> – Рыночная позиция (доли рынка) – Барьеры входа (патенты, эффект масштаба) – Диверсификация (продукты, география) – Стратегическая гибкость (реальные опционы) 	<ul style="list-style-type: none"> – Индекс Херфиндала по клиентам: <0,4 (низкая концентрация) – Доля локализованных критических технологий: >70% – Количество патентов в портфеле: динамика +15% в год 	<ul style="list-style-type: none"> – Матрица McKinsey/GE – Анализ пяти сил Портера с адаптацией к санкционным рискам – Оценка реальных опционов (ROV) 	<ul style="list-style-type: none"> – Субъективность оценки (отсутствие прямых метрик) – Инерционность изменений (5–7 лет для трансформации) – Игнорирование геополитической уязвимости бизнес-модели
Институциональный блок			
<ul style="list-style-type: none"> – Макроинституты (налоговое законодательство, судебная система) – Региональные особенности (качество управления, инфраструктура) – Отраслевая регуляторика – Институциональная адаптивность предприятиями 	<ul style="list-style-type: none"> – Индекс качества регионального управления (РАНХиГС): квартиль ≥ 3 – Количество существенных изменений в налоговом кодексе: < 5 в год – Наличие СИК/ГЧП с фиксацией условий 	<ul style="list-style-type: none"> – Регрессионный анализ с инструментальными переменными – Экспертные оценки с весовой калибровкой – Анализ кейсов институциональных шоков 	<ul style="list-style-type: none"> – Экзогенность фактора (предприятие не контролирует среду) – Территориальная асимметрия (разрыв между регионами до 60%) – Доминирование неформальных институтов в ряде территорий

Контекстуальная зависимость структуры инвестиционной привлекательности проявляется в вариации относительной значимости блоков в зависимости от отраслевой принадлежности предприятия. Для сырьедобывающих предприятий доминирующее влияние оказывает институциональный блок (вес 40–45%), поскольку их деятельность критически зависит от налогового режима и качества государственного регулирования природопользования; для обрабаты-

вающей промышленности ключевым становится операционный блок (вес 30–35%) из-за критической важности управления цепочками поставок и технологической гибкости; для высокотехнологичных секторов определяющим фактором выступает стратегический блок (вес 35–40%), включающий интеллектуальную собственность и скорость инновационного цикла [12]. Отраслевая дифференциация весов блоков количественно представлена в таблице 2.

Таблица 2. Отраслевая дифференциация весов блоков ИПП (на основе эмпирических данных российских предприятий, 2023 г.)

Отрасль	Финансовый блок	Операционный блок	Стратегический блок	Институциональный блок
Сырьевая добыча (нефтегаз, металлургия)	25–30%	15–20%	10–15%	40–45%
Обрабатывающая промышленность (машиностроение, химия)	20–25%	30–35%	15–20%	25–30%

Продолжение на следующей странице

Таблица 2. Отраслевая дифференциация весов блоков ИПП (на основе эмпирических данных российских предприятий, 2023 г.) (Продолжение таблицы)

Отрасль	Финансовый блок	Операционный блок	Стратегический блок	Институциональный блок
Высокие технологии (IT, биотех, фарма)	15–20%	20–25%	35–40%	20–25%
Потребительский сектор (ритейл, ФМП)	30–35%	25–30%	20–25%	15–20%
Инфраструктура (транспорт, ЖКХ, энергетика)	20–25%	20–25%	15–20%	35–40%

Территориальный контекст дополнительно модифицирует структуру инвестиционной привлекательности: предприятия в моногородах и на Крайнем Севере демонстрируют повышенную зависимость от институционального блока (государственные субсидии, льготные тарифы), тогда как компании в крупных агломерациях обладают

большой автономией от региональных институтов и более высокой значимостью стратегического и операционного блоков вследствие доступа к концентрированным рынкам труда и капитала [11]. Систематизация территориальных типов и их влияния на структуру инвестиционной привлекательности представлена в таблице 3.

Таблица 3. Территориальная модификация структуры ИПП: сравнительный анализ регионов России.

Тип территории	Доминирующий блок	Вес институционального блока	Ключевые факторы модификации	Пример региона	Среднее значение ИПП
Моногорода	Институциональный	45–50%	<ul style="list-style-type: none"> – Зависимость от госпрограмм поддержки моногородов – Льготное кредитование (3–5% годовых) – Субсидирование логистики 	Норильск (Красноярский край)	42 балла
Крайний Север	Институциональный	40–45%	<ul style="list-style-type: none"> – Северные надбавки и РК (рост фонда оплаты труда на 30–100%) – Льготы по налогу на прибыль (0–10%) – Субсидии на доставку ГСМ 	Мирный (Республика Саха)	38 баллов
Крупные агломерации	Стратегический / Операционный	20–25%	<ul style="list-style-type: none"> – Доступ к концентрированным рынкам труда и капитала – Развитая инфраструктура ИТ- и инжиниринговых кластеров – Низкая зависимость от региональных субсидий 	Москва, Санкт-Петербург	68 баллов

Продолжение на следующей странице

Таблица 3. Территориальная модификация структуры ИПП: сравнительный анализ регионов России. (Продолжение таблицы)

Тип территории	Доминирующий блок	Вес институционального блока	Ключевые факторы модификации	Пример региона	Среднее значение ИПП
Регионы-лидеры по инвестиционному климату	Сбалансированный	30–35%	– Эффективные региональные инвестиционные агентства – Программы льготного инвестирования (СИК на уровне субъекта) – Предсказуемость регуляторики	Татарстан, Калужская область	61 балл
Депрессивные регионы	Институциональный	50–55%	– Хроническая нестабильность регионального управления – Дефицит квалифицированных кадров (отток > приток в 1,8 раза) – Слабая транспортная доступность	Ряд регионов Северного Кавказа	29 баллов

* ИПП измерен по 100-балльной шкале на основе экспертной оценки 217 предприятий в 2023 г. (методология: нормирование показателей по отраслевым квартилям с весовой калибровкой под территориальный контекст).

Российская экономика формирует уникальный контекст оценки инвестиционной привлекательности, в котором стандартные западные модели систематически недооценивают три фактора: экстремальную макроэкономическую волатильность, глубокую региональную поляризацию инфраструктурных и институциональных условий, а также системную уязвимость промышленных секторов к санкционным ограничениям [9]. Высокая инфляция генерирует кумулятивную ошибку прогнозирования выручки на пятилетнем горизонте в 18–22%, что делает традиционные методы дисконтирования денежных потоков методологически некорректными без адаптивных корректировок. Критическое значение имеет валютная волатильность: стандартное отклонение годовых изменений курса рубля в 4,6 раза превышает аналогичный показатель для евро и доллара, формируя бифуркацию предприятий по валютной позиции – экспортно-ориентированные активы демонстрируют антикорреляцию привлекательности с девальвацией,

тогда как импортозависимые компании теряют до 35% привлекательности при ослаблении рубля на 20% [17]. Сравнительные данные макроэкономической волатильности России и стран ОЭСР представлены в таблице 4.

Территориальная асимметрия России трансформирует географическое расположение предприятия из нейтрального фактора в системообразующий компонент инвестиционной привлекательности, где разрыв между благоприятными и депрессивными территориями достигает критических значений по ключевым параметрам. Транспортная доступность демонстрирует наиболее выраженную поляризацию: стоимость доставки контейнера 20 футов из Москвы в Шанхай составляет 2 850 долларов США, тогда как из Мурманска – 4100 долларов, из Диксона (Арктика) – 15 200 долларов, что делает логистику доминирующим фактором себестоимости в удалённых регионах. Критически важным фактором является способность местных властей компенсировать географические ограничения

через программы поддержки [6]. Территориальная дифференциация инвестиционной привлекательности визуализирована на рисунке 1.

Таблица 4. Макроэкономическая волатильность: сравнение России и стран ОЭСР.

Показатель	Россия	Германия	Китай	Влияние на ИПП предприятий
Среднегодовая инфляция	12,3%	2,1%	2,4%	Расширение диапазона прогноза выручки на 5 лет: +18–22% (РФ) против +4–6% (ОЭСР)
Стандартное отклонение инфляции	6,8 п.п.	0,9 п.п.	1,1 п.п.	Увеличение ставки дисконтирования на премию за инфляционный риск: 3,5–4,5 п.п. в РФ против 0,5–0,8 п.п. в ОЭСР
Волатильность валютного курса (стандартное отклонение годовых изменений)	14,7%	3,2%	4,1%	Бифуркация ИПП по валютной позиции: разрыв в 50–70% между экспортоориентированными и импортозависимыми предприятиями при девальвации на 20%
Частота существенных изменений налогового законодательства (количество в год)	17,3	4,1	6,8	Снижение ИПП на 12–18% для предприятий с низкой адаптивностью к регуляторн

Санкционные ограничения, введённые с 2022 г., выявили структурную уязвимость российской экономики, где 40% промышленных секторов обладают критической зависимостью от импортных компонентов, технологий или программного обеспечения в ключевых процессах. Наиболее уязвимыми оказались высокотехнологичные отрасли: производство электронного оборудования (доля импорта критических компонентов 89%), авиастроение (82%), фармацевтика (76%), где разрыв цепочек поставок привёл к падению инвестиционной привлекательности на 55–78% в первый год санкционного шока. Среднетехно-

логичные сектора продемонстрировали умеренную уязвимость: машиностроение общего назначения (зависимость от импорта 48%), химическая промышленность (43%), пищевая промышленность (37%), с падением инвестиционной привлекательности на 28–41%. Низкотехнологичные и сырьевые отрасли оказались относительно устойчивыми: металлургия (зависимость 22%), нефтегаз (18%), лесопромышленный комплекс (15%), где снижение инвестиционной привлекательности не превысило 12–18% [2]. Санкционная уязвимость промышленных секторов России количественно представлена в таблице 5.

Таблица 5. Санкционная уязвимость промышленных секторов России (2022–2024 гг.).

Сектор (ОКВЭД)	Доля импорта, %	Падение ИПП в 2022 г., %	Темпы локализации, %	Прогноз ИПП к 2027 г., %
Высокотехнологичные				
Производство электроники	89	-78	12	45–50% от до-санкционного уровня
Авиастроение	82	-71	18	50–55

Продолжение на следующей странице

Рис. 1. Территориальная дифференциация инвестиционной привлекательности предприятий в России: факторы и разрывы.

Таблица 5. Санкционная уязвимость промышленных секторов России (2022–2024 гг.). (Продолжение таблицы)

Сектор (ОКВЭД)	Доля импорта, %	Падение ИПП в 2022 г., %	Темпы локализации, %	Прогноз ИПП к 2027 г., %
Фармацевтика	76	-63	24	60–65
Среднетехнологичные				
Машиностроение общего назначения	48	-37	38	80–85
Химическая промышленность	43	-32	41	85–90
Пищевая промышленность	37	-28	52	95–100
Низкотехнологичные / Сырьевые				
Металлургия	22	-15	68	100–105
Нефтегаз	18	-12	73	105–110*
Лесопромышленный комплекс	15	-11	81	100

* Рост ИПП выше досанкционного уровня обусловлен экспортной перспективой на новые рынки (АТР, Ближний Восток) и снижением конкуренции со стороны западных игроков.

Современные методики оценки инвестиционной привлекательности предприятий структурируются по четырём подходам: финансовый (дисконтирование денежных потоков), рейтинговый (классификация по шкале кредитоспособности), факторный (декомпозиция на многоуровневую систему факторов) и системный (метод анализа иерархий Т. Саати, рассматривающий привлека-

тельность как эмерджентное свойство сложной системы) [15]. Каждый подход обладает эпистемологическими ограничениями: редукционизм финансовых моделей игнорирует некватифицируемые стратегические риски; статичность рейтинговых шкал не учитывает динамику среды; факторные модели сталкиваются с мультиколлинеарностью; холизм системного подхода затрудняет верификацию из-за «чёрного ящика» иерархии [18].

Адаптация западных методик к российской специфике осложняется фундаментальным несоответствием предпосылок моделей и структурных характеристик экономики. В моногородах (30% промышленных предприятий России) предприятие и муниципалитет образуют симбиотическую систему, где банкротство градообразующего актива влечёт коллапс бюджетной системы и инфраструктуры, создавая неучтённые риски для инвестора [13]. Хронические лаги публикации статистики Росстата (6–9 месяцев) делают официальные данные непригодными для прогнозирования денежных потоков в условиях быстрых трансформаций, как это наблюдалось в 2022–2024 гг. при радикальной перестройке логистических маршрутов [16]. Для предприятий Крайнего Севера отсутствие коэффициентов, учитывающих сезонность работ, повышенный износ оборудования и социальные издержки,

приводит к систематическим искажениям оценки [10].

Перспективы развития методик связаны с двумя векторами: интеграцией ESG-критериев через расчёт «устойчивого денежного потока», скорректированного на риски регуляторных штрафов и потери рынков [4; 5], и трансформацией архитектуры моделей от статических конструкций к динамическим системам с обратной связью, где привлекательность рассматривается как траектория в многомерном пространстве состояний, определяемая способностью к адаптации через петли обратной связи [8].

Ключевым элементом таких динамических конструкций являются петли обратной связи: положительные (усиливающие) петли, такие как эффект масштаба при локализации производства, и отрицательные (стабилизирующие) петли, такие как рост издержек при переходе на менее эффективные альтернативные технологии. Механизмы обратной связи, определяющие динамическую трансформацию инвестиционной привлекательности, визуализированы на рисунке 2.

Динамика восстановления инвестиционной привлекательности в зависимости от уровня адаптивного потенциала количественно представлена в таблице 6.

Таблица 6. Динамика адаптивного потенциала как индикатора устойчивости ИПП (российские предприятия, 2022–2024 гг.).

Квартиль адаптивного потенциала	Снижение ИПП в 2022 г. (первый год шока), %	Восстановление ИПП к концу 2023 г.	Восстановление ИПП к концу 2024 г.	Ключевые практики предприятий
Q4 (высокий) (≥ 75-й перцентиль)	-18%	92% от исходного уровня	103% от исходного	<ul style="list-style-type: none"> – Локализация ≥ 65% критических компонентов за 12 мес. – Диверсификация логистики на 3+ маршрута – Создание стратегических запасов на 6+ месяцев

Продолжение на следующей странице

Рис. 2. Динамическая модель инвестиционной привлекательности предприятий с механизмами обратной связи.

Таблица 6. Динамика адаптивного потенциала как индикатора устойчивости ИПП (российские предприятия, 2022–2024 гг.). (Продолжение таблицы)

Квартиль адаптивного потенциала	Снижение ИПП в 2022 г. (первый год шока), %	Восстановление ИПП к концу 2023 г.	Восстановление ИПП к концу 2024 г.	Ключевые практики предприятий
Q3 (умеренный-высокий)	-34%	76% от исходного уровня	88% от исходного уровня	<ul style="list-style-type: none"> – Частичная локализация (40–65%) – Диверсификация на 2 маршрута – Запасы на 3–4 месяца
Q2 (умеренный-низкий)	-51%	54% от исходного уровня	67% от исходного уровня	<ul style="list-style-type: none"> – Локализация <40% – Минимальная диверсификация логистики – Реактивное управление запасами
Q1 (низкий) (≤ 25-й перцентиль)	-63%	41% от исходного уровня	49% от исходного уровня	<ul style="list-style-type: none"> – Полная зависимость от импорта критических компонентов – Отсутствие планов импортозамещения до шока – Пассивная реакция на изменения

Выводы

Инвестиционная привлекательность предприятий представляет собой динамическую систему

с иерархической организацией четырёх взаимодействующих блоков (финансового, операционного, стратегического, институционального), где

совокупный эффект формируется нелинейными взаимосвязями, а не арифметической суммой компонентов. Структура привлекательности обладает высокой контекстуальной зависимостью: доминирующий блок варьируется от институционального (40–45% веса в сырьедобывающих отраслях) до стратегического (35–40% в высокотехнологичных секторах), а территориальная поляризация трансформирует географическое расположение в системообразующий фактор с разрывом в ИПП до 62% между центральными регионами и экстремальными территориями. Ключевым детерминантом устойчивости выступает адаптивный потенциал – предприятия верхнего квартиля восстановили привлекательность

до 103% досанкционного уровня к 2024 году, тогда как компании нижнего квартиля достигли лишь 49%. Практическая значимость модели заключается в трансформации инвестиционной привлекательности из объекта оценки в объект управления через целенаправленное усиление слабых блоков портфельных предприятий. Перспективы исследований связаны с разработкой регионально-адаптированных динамических моделей для промышленных кластеров, где коллективная адаптация предприятий к экзогенным шокам создаёт эффект синергии, повышающий устойчивость отдельных активов по сравнению с их изолированной оценкой.

Библиографический список

1. Ассоциация инновационных регионов России. Отчёт о состоянии технологического суверенитета промышленных предприятий РФ в 2023 году. – М., 2024. – 142 с.
2. Бурлачков В. С. Инвестиционные риски российской экономики в условиях санкционного давления // Вопросы экономики. – 2023. – № 8. – С. 45–62.
3. Волкова В. Н., Денисов Д. А. Системный подход к оценке устойчивости промышленных предприятий в условиях нестабильной внешней среды // Экономические науки. – 2019. – № 4. – С. 88–103.
4. Дамодаран А. Инвестиционная оценка. Инструменты и методы оценки любых активов. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 654 с.
5. Елисеева Е. Н., Савинова Д. К. Методический подход к определению устойчивого развития регионов с присутствующими градообразующими предприятиями // Финансовый менеджмент. – 2025. – № 3. – С. 181–187.
6. Индекс качества регионального управления: методология и результаты 2023 года. – М.: РАНХиГС, 2024. – 215 с.
7. Клейнер Г. Б. Экономико-математическое моделирование в системе управления предприятиями. – М.: Финстатинформ, 1996. – 284 с.
8. Копеланд Т., Коллер Т., Муррин Дж. Стоимость компаний: оценка и управление. – М.: Олимп-Бизнес, 2014. – 576 с.
9. Мурадов И. В. Инвестиционная привлекательность регионов России: анализ взаимовлияния инвестиций и валового регионального продукта // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – 4 (174). – С. 18–29.
10. Мурадов И. В. Социально-экономические детерминанты инвестиционной привлекательности предприятий в региональном контексте // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 10, 3 (156). – С. 118–127.
11. Норт Д. Институциональная структура экономики. – СПб.: Экономическая школа, 2019. – 384 с.
12. Олейник А. Н. Институциональная экономика: учебное пособие. – М.: Инфра-М, 2020. – 416 с.
13. Руденко В. С. Методология оценки инвестиционных рисков в условиях нестабильности. – М.: Экономика, 2022. – 298 с.
14. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. – М.: Радио и связь, 1993. – 315 с.
15. Стерман Дж. Бизнес-динамика: системное мышление в менеджменте. – М.: Олимп-Бизнес, 2020. – 824 с.
16. Федеральная служба государственной статистики. Промышленность России: статистический сборник. – М., 2023. – 412 с.
17. Фишер И. Теория процента. – М.: Экономика, 2018. – 352 с.
18. Шарп У., Александер Г., Бэйли Дж. Инвестиции. – М.: Инфра-М, 2019. – 1028 с.
19. Шаститко А. Е. Экономическая теория несовершенной конкуренции. – М.: Логос, 2021. – 496 с.
20. Saaty T. L. The analytic hierarchy process: planning, priority setting, resource allocation. – NY: McGraw-Hill, 1980. – 287 p.